

УДК 316.013; 316.14

Е. А. Окладникова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

КАЧЕСТВЕННОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНОТОЛЕРАНТНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИНЕВСКОГО КРАЯ

Рассматривается процесс производства этнотолерантной ментальности, отраженный в нарративах современного населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области, т. е. территории Приневского края. Основные положения статьи базируются на результатах пилотажного социологического исследования 2015 г., проведенного автором методом нарративного интервью на территории Приневского края. Цель статьи – обоснование идеи о зависимости информационной институционализации горожан и сельских жителей Ленинградской области от глубины их исторической памяти, степени социальной и культурной ностальгии, объема их знаний об архаических автохтонных корнях культуры родного Приневского края. Анализ ответов респондентов на вопросы исследовательского гайда позволил сделать выводы о том, что информационная институционализация является базовым фактором производства этнотолерантной ментальности.

Этнотолерантность, транслокальные идентичности, информационная институционализация, нарративное интервью, Приневский край

Изучение уровней производства и форм проявления этнической толерантности у конкретных групп населения сегодня – предмет интереса многих научных дисциплин.

Этническая толерантность – это тип мышления, реализуемый как менталитет и образ жизни, свойственный как людям, живущим в культуре европейского модерна, так и людям традиционного общества. Этническая толерантность – это система идей, которая создает социальности как самостоятельные культурные миры. Понятие «этническая толерантность» толковалось в работах этнологов как «уважительное» отношение к культурам других народов [1, с. 21], «невмешательство» в дела других народов, как «готовность принять других такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия» [2].

С точки зрения современной философской теории, этническая толерантность – это один из четырех уровней социальной толерантности. Этническая толерантность в социальных отношениях сосуществует с цивилизационной, межгосударственной и индивидуальной. На цивилизационном уровне толерантность предполагает ненасильственный контакт в момент взаимодействия разных культурных миров. Такого рода контакты между цивилизациями способствуют творческому развитию разных культур.

На межгосударственном уровне толерантность понимается как условие сотрудничества и мирного сосуществования государств вне зависимости от характера их экономического развития, этнической или религиозной принадлежности. На межэтническом уровне толерантность понимается как способ достижения гармонии взаимоотношений в многонациональных обществах, так как предполагается, что все в мире базируется на своих про-

тивоположностях (К. Ясперс), а любые различия скрывают существенные сходства. В основе такого понимания толерантности лежит представление об индивидуальной и групповой ответственности людей за свои поступки и признание универсальных прав и свобод людей.

Социально-философский аспект производства этнотолерантности изучался социальными философами (М. П. Мчедловым, М. Б. Хомяковым, В. И. Гараджей). Этот аспект нашел отражение в диссертационных исследованиях Т. В. Волковой, Н. В. Кругловой, И. З. Чимитова. Философы указали на то, что этническая толерантность как социальный феномен и поведенческая практика, а также связанное с нею мировоззрение, имеет несколько форм проявления: *активную* (открытость к контактам); *пассивную* (общение с представителями своей этнической группы с сохранением позитивного отношения к другим); *избирательную* (межэтнические контакты носят ограниченный характер); *вынужденную* (деловой характер взаимодействия под давлением обстоятельств).

С позиций социальной философии, социологии, этносоциологии и социальной психологии в идеале, производство этнической толерантности предполагает активную позицию коллективного субъекта деятельности, например, жителей конкретного региона, а в случае проведенного нами осенью 2015 г. исследования – населения Приневского края. Эта позиция должна включать признание прав и свобод «своего», «особенного», а также «другого», «чужого». Таким «чужим», «другим» для современного населения Приневского края может быть не только обычный для городов трудовой мигрант (например, выходец из Средней Азии и Кавказа), но и древнее автохтонное население этих мест (водь, вепсы, ижора, чудь, финны) с их уникальной архаической культурой.

Социологический аспект производства этнотолерантности рассматривался в работах А. Г. Здравомыслова, В. М. Соколова, В. В. Шалина. Социологи отмечали, что этническое самосознание расширяет систему научных представлений, например, о такой крупной социальной группе как студенты. Не секрет, что студенческая среда сегодня является этнически многообразной. В рамках социологических исследований было установлено, что уровень образования оказывает решительное влияние на степень толерантности субъектов. В общих чертах это выглядит так: чем выше уровень образования, тем более толерантно отношение людей к «другому», «чужому», включая этнического «другого». Кроме того, социологи установили, что уровень дохода и социальный статус оказываются в прямой зависимости от степени толерантности субъектов: чем ниже статус и уровень дохода, тем люди менее терпимы к «другому».

Социологи указывали, что на процесс производства этнической толерантности оказывает влияние территориальный компонент, т. е. местность, где живет субъект. В крупных городах, особенно в столицах, этноконтактная среда насыщеннее, чем в деревне. Поэтому проявление интолерантных установок сознания субъектов деятельности по производству этнотолерантности осуществляется более интенсивно.

Психологический аспект производства этнотолерантности в молодежной среде предметно исследовался на основании методик, разработанных этнологами (разработки Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой), исследования В. В. Бойко (общая коммуникативная толерантность), статьи О. С. Саакяна, Т. П. Зориной. Психологи выделяют *внутриличностные* факторы, которые влияют на формирование межэтнической толерантности: уровень образования, индивидуальные свойства личности (пол, возраст, социальное положение, этническая самоидентификация) и *внешние* факторы (этнические стереотипы, сформированные СМИ и социальным окружением, государственная политика).

Педагогический аспект производства этнотолерантности анализировался в трудах О. А. Селивановой, Т. С. Крысько, Т. П. Зориной, Э. В. Бимбаевой, Б. С. Гершунского. Теоретики в области педагогики этнотолерантности полагают, что воспитание этой мировоззренческой компоненты в модели сознания человека XXI в. играет важную роль. Как они считают, в ходе образовательного процесса происходит формирование нравственных чувств личности, а среди них – совести и долга, которые являются базовыми аспектами толерантности как формы проявления личностных чувств.

Осенью 2015 г. мы провели полевое пилотажное социокультурное исследование в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, т. е. в регионе, который в XIX в. с легкой руки писателя А. И. Куприна именовался Приневским краем. Целью исследования было изучение зависимости степени этнотолерантной ментальности горожан и сельских жителей Ленинградской области от уровня их информационной институционализации, т. е. от глубины их исторической памяти, степени социальной и культурной ностальгии, объема их знаний об архаических автохтонных корнях культуры родного Приневского края.

Методика исследования. В качестве методики исследования нами было выбрано нарративное интервью. Суть методики хорошо описана в работах М. Вебера, К. Гирца, а также американских социологов А. Страусса и Дж. Корбин [3, с. 21]. К. Гирц, а еще раньше М. Вебер, собирая обширные эмпирические (социально-антропологические) материалы, стремились не столько к выявлению социологических закономерностей, сколько к изучению смыслов, которые отдельные акторы (в нашем случае это наши респонденты) вкладывали в совершаемые ими социальные действия. Так, К. Гирц писал: «Интерпретативный подход к анализу данных, в первую очередь, ориентирует исследователя на поиск смысла социального поведения с точки зрения самих деятелей, на создание наблюдателем теории, отражающей собственные «теории» наблюдаемых» [4]. Нарративное интервью как метод наблюдения и методика интерпретативного подхода дает возможность установить смыслы, скрытые за социальными и организационными порядками современных сообществ.

Несмотря на то, что респонденты в начале беседы не слишком охотно «откровенничали» с нами, а именно использовали особые формы уклончивой коммуникации, нам удавалось получать от них реалистические высказывания. Наша исследовательская стратегия позволила перейти от «данных опыта» к «данным, далеким от опыта», т. е. к герменевтическому социологическому анализу содержания и смыслов ответов респондентов. Как полагал К. Гирц, целью здесь является «не экспериментальная наука, ищущая закон, а интерпретативная наука, нацеленная на поиск смысла» [4, с. 5]. Интерпретативный подход К. Гирца к анализу данных ориентирует исследователя на поиск смысла социального поведения с точки зрения самих наблюдателей, т. е. жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области, а также на создание исследователем теории, отражающей собственные «теории» наблюдаемых нами респондентов. Нам удавалось выяснять связь между биографией респондента, его жизненной позицией и предпочтениями, с одной стороны, и социальными смыслами, которые он вкладывал в свои высказывания, с другой.

Работа с текстами нарративов (интервью), осуществленная в духе методики К. Гирца, определила метод ее дальнейшего расширенного сбора в ситуации свободного интервью. Суть работы сводилась к тому, что каждый последующий текст нарратива рассматривался нами в контексте тех кодов, которые были выделены в качестве первичных обобщений в тексте предыдущего интервью.

Это удалось сделать потому, что респонденты в беседе с нами пытались организовать свои представления о процессе своей информационной институциализации, пропуская суть наших вопросов через индивидуальный опыт и тезаурус своего социокультурного интеллекта. Количественные исследования (результаты обработки данных анкетного опроса) не дают возможности в полной мере понять, чем люди живут, что и как они переживают. Объяснительный потенциал высказываний респондентов в количественном исследовании остается за рамками числовых характеристик. Услышать респондента позволяют качественные методики: нарративное интервью, глубинное интервью, фокус-группа. В этом заключаются преимущества методики нарративного интервью. Поиск объяснительного потенциала интервью предполагает цитирование высказываний респондентов, т. е. воспроизведение речи, приближенной к обыденной жизни, в которой присутствуют метафоры, аналогии, образы. Именно цитаты из высказываний наших респондентов позволили выделить смысловые структуры социального мира, генерирующего механизмы всех видов институциализации, включая информационную.

В работе мы также использовали методики биографического нарративного интервью и опирались на методологические и методические разработки отечественных исследователей О. Б. Божкова, И. Ф. Девятко, Е. Ю. Мещеркиной и зарубежных исследователей. В связи с этим важными для нашей работы оказались размышления немецких историков о культурных универсалиях исторического сознания, «культурной памяти», в частности, мысли Йорна Рюзена [5]. Согласно его теории «культурной памяти», историческая наука эпохи постмодерна разительно отличается от исторической науки эпохи модерна. Профессиональные историки модерна использовали в своей работе пять базовых принципов, выделенных Т. Куном в качестве «дисциплинарной матрицы» исторической науки.

Этими пятью принципами были: 1) познавательные интересы, порождаемые потребностями в ориентации во временном изменении современного мира; 2) концепты значимости и перспективы временного изменения, в рамках которых прошлое приобретает свой особый облик как «история»; 3) методические правила эмпирического исследования; 4) формы репрезентации, в которых свидетельство прошлого, включенное в результате интерпретации в концепты значимости, представляется в форме повествования (нарратива); 5) и, наконец, функции культурной ориентации в виде временного направления человеческой деятельности и концепций исторической идентичности.

Способность людей мыслить исторически Й. Рюзен описывает, используя три основных понятия: а) способность иметь опыт темпоральной инаковости; б) способность интерпретировать; в) способность к ориентации и самомотивации. Для историков постмодерна главным становится принцип категории смысла, определяющий отношения прошлого и настоящего, в рамках которого прошлое приобретает свое значение как «история». Как и многие современные немецкие исследователи, Й. Рюзен использует достижения нарративной психологии и рассматривает процедуру наррации в качестве базового способа бытия исторического сознания.

В работе с респондентами в полевых условиях нам удалось заметить, что в их рассказах, в которые включаются элементы их личных историй (микроистории), для нас как исследователей высвечиваются отмеченные Й. Рюзеном отношения между формами и функциями исторического мышления путем воплощения эстетической стратегии «поэтики и риторики исторической репрезентации». В нарративах наших респондентов можно было усмотреть жизненность, эмоциональность и актуальность их исторической памяти, которая противостояла рациональности. Это было противоречие между воспоминаниями, которые так необходимы для повседневной жизни людей, и памятью, «помещенной в клетку накапливаемого знания, не выполняющего никакой непосредственной функции в практической жизни» [5, с. 14].

Другой сторонник нарративной философии, автор теории «интеллектуального эмпиризма» в истории, голландский историк и философ Франк Рудольф Анкерсмит, полагал, что нарратив – это культурный феномен. Он писал, что то, что освоено и исполнено с помощью нарратива, уже более не дает доступа к историческому опыту. Нарратив – в нашем случае нарратив как развернутый ответ респондента на наши вопросы во время глубинного интервью – это эффективный инструмент, который используют респонденты для придания миру смысла. При этом мы полагаем, что нарративное знание имеет историческую основу. Иными словами, нас интересовали личные истории людей в контексте их авторефлексии как представителей разных человеческих сообществ. Именно эти истории, рассказанные в ходе интервью, формировали перед нами перспективу в изучении особенностей информационной институционализации разных поколений городского населения и жителей Ленинградской области, расширяя перспективы изучения в области социологии пространства, социальной психологии, социальной памяти, истории памяти, социологии/антропологии обжитых ландшафтов Приневского края.

Личные истории в контексте авторефлексии представителей разных человеческих сообществ формируют новую перспективу в изучении городской приватности и публичности, расширяя поле городских опытов, находящихся в фокусе внимания социологии.

Характеристика респондентов. В качестве респондентов-экспертов мы пригласили жителей мегаполиса (Санкт-Петербурга) и семи поселений Ленинградской области (N = 179 чел.), которые идентифицировали себя как местное население [6] (см. табл.). В исследовании приняли участие респонденты трех возрастных категорий. Выборка респондентов осуществлялась по методикам «доступных случаев» и «снежного кома».

№	Респонденты		
	Возрастная группа	Пол	Количество
1	16–29 лет	муж.	33
		жен.	55
2	30–55 лет	муж.	14
		жен.	39
3	Старше 55 лет	муж.	16
		жен.	22
Итого:		179 чел.	

Целью нашего пилотажного социокультурного исследования 2015 г. был этнокультурный анализ уровня информационной институционализации как фактора, способствующего производству этнотолерантной ментальности городского и сельского населения Приневского края в условиях глобализации.

Объектом нашего пилотажного этносоциологического исследования стали жители Санкт-Петербурга и южных районов Ленинградской области (N = 179 чел.): Волосовского, Кингисеппского, Гатчинского, Лужского.

Предметом исследования стал анализ глубины исторической памяти, социокультурной ностальгии и объема знаний архаических памятников автохтонного населения Приневского края, т. е. всего того, что характеризует уровень информационной институционализации современных жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Наши респонденты – это люди, которые в большинстве своем не являются представителями древних автохтонных этносов, т. е. не связаны узами родства с носителями водской, ижорской традиционной культуры, а также традиционной культуры вепсов и ингерманладских финнов.

Почему нас заинтересовали особенности исторической памяти современного населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области? Дело в том, что в предыдущих исследованиях, посвященных проблемам взаимоотношений трудовых мигрантов и общества принимающей стороны [7], мы пришли к следующему выводу. Основная претензия местного населения к «чужим», «другим», а именно к трудовым мигрантам, служившая спусковым крючком интолерантных взаимодействий, формулировалась ими в данных нам интервью так: «*Они “другие”, “чужие”, “плохие”, потому что не знают и не уважают нашу культуру*».

Тогда у нас как организаторов исследования в области способов производства этнотолерантной ментальности современного местного населения Приневского края возник новый вопрос: в каких объемах и насколько глубоко наши респонденты – жители области и горожане – знают то, что они называют «*наша культура*»? Включает ли, например, для них понятие «наша культура» знание древней культуры автохтонного населения Приневского края? Иными словами, каковы глубина и объемы их информационной институциализации?

Согласно гипотезе нашего исследования, этническая толерантность современного населения Приневского края поддерживается уровнем информационной институциализации, т. е. глубиной и объемом исторической и культурной памяти. Формами проявления исторической памяти являются уважение к древней культуре автохтонов региона, в котором живут наши респонденты; знание истоков культуры автохтонного населения; представления об основных архаических памятниках материального (культовые мегалиты, почитаемые источники, священные рощи и т. п.) и нематериального (мифы, фольклор, праздники) культурного наследия таких автохтонных народов, как водь, вепсы, ижора и др. Именно особенности информационной институциализации создают основы толерантного отношения больших групп людей (например, местного населения Приневского края) к другим культурам и их носителям (например, наводнившими города Приневского края трудовыми мигрантами из Средней Азии, из бывших республик СССР).

С целью выявить и описать характер представлений респондентов о памятниках древней истории Приневского края (допетровская эпоха), мы составили вопросник для нарративных интервью, в который включили вопросы, позволяющие выявить степень этнокультурной любознательности респондентов. Беседы с респондентами велись на основе базового вопросника (гайда), подготовленного нами заранее. Гайд включал девять крупных тематических блоков вопросов. Например, блок вопросов, позволявших высветить: 1) широту этнокультурного кругозора наших респондентов; 2) степень интереса к памятникам иных этнокультурных миров, в частности, этнокультурных миров древнего автохтонного населения Приневского края: вепсов, воды, ижоры, а также появившегося позже финского населения; 3) глубину исторической памяти респондентов, включая следующие уточняющие вопросы: *Какие священные рощи вам известны? Какие крупные камни, с которыми связаны легенды, рассказы старшего поколения вам известны? Места старых деревенских праздников? Связаны ли они с крупными валунами, озерами, реками, ключами, рощами? Какие фольклорные сюжеты (сказки, легенды, мифы, былички), связанные с вашей деревней или соседними деревнями, вам известны?*

Постановка проблемы исследования. Производство этнотолерантной ментальности у современного городского и сельского населения Приневского края в условиях интенсификации мобильности глобального общества – процесс многоплановый, т. е. требующий рассмотрения с позиций различных научных подходов (психологического, социологического, философского, экономического, педагогического и др.). Одной из доминирующих

особенностей процесса производства этнотолерантности в среде местного населения Приневского края сегодня является сложность. Эта сложность возникла под влиянием особенностей процесса информационной институционализации.

Под *информационной институционализацией* мы понимаем следующее. Она включает навыки, традиции, способы производства *идей*, создающих и обустроивающих социальные миры. Такими идеями (в гегелевском смысле этого понятия) являются идеи, программирующие практики социальной ориентации, конструирующие ценностно-нормативные системы различных типов и оснований: от традиционалистской до модернистской и неотрадиционалистской. Поэтому для нас информационная институционализация – это реализация процесса функционирования норм и ценностей, которые удовлетворяют насущные жизненные ценности местного населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Информационная институционализация реализует себя через многочисленные повседневные практики. Примерами таких практик являются: 1) практики *формирования социальных границ* («свой»/«чужой») в социальном пространстве городских и сельских сообществ; 2) практики воспроизведения *способов деятельности*; 3) духовные повседневные практики (формирование современного социокультурного ландшафта обжитой территории с определением его экологических, властных, исторических, культурных маркеров; воссоздание маркеров сакрального ландшафта), практики *социальной и культурной ностальгии*; практики формирования, развития, трансляции и воспроизведения *групповой исторической памяти*; практики формирования *исторического сознания* у больших групп современного местного населения Приневского края, включающего памятники древнего автохтонного населения.

Под *историческим сознанием* мы понимаем такую форму сознания, которая в жизни реализуется как историческая память. Поэтому историческое сознание можно определить как способность людей сохранять и передавать из поколения в поколение знания об исторических событиях, исторических деятелях ушедших эпох, о традициях и коллективном опыте освоения социального и природного мира, об этапах, которые прошли тот или иной этнос, нация, народ в своем развитии. Историческая память тесно связана с такими психологическими характеристиками личности, как эмоции, способность к эмпатии, впечатлительность, яркость восприятия действительности. Поэтому историческое сознание – это сложное, многофункциональное, специфическое образование в духовной жизни общественного субъекта. Оно является составной частью общественного сознания, совокупностью форм, отражающих его историю и служит для удовлетворения общественных потребностей, которые сформировались в процессе исторической эволюции общества.

Историческое сознание требует навыков воспроизведения в коллективной памяти людей исторических событий, знания логики исторического процесса, умения использовать представления о древней и современной культуре родного края в качестве регулятора социальных отношений. Как показали результаты анализа высказываний наших респондентов, источниками, формирующими их историческое сознание, оказались труды профессиональных историков, мемуарная историческая литература, произведения устного народного творчества, художественная литература исторической направленности, театральные постановки, музейные экспозиции, религиозные представления людей, система образования и средства массовой информации.

В социологическом ключе проблема исторического сознания изучалась в последние годы московскими социологами М. К. Горшковым, Ф. Э. Шереги. Кроме того, историче-

ское сознание и его проявления (историческая и социальная память) изучались и во многих других аспектах. Диапазон этих исследований может колебаться от *идеологического* (патриотизм) до *психологического* (ностальгия) направления в социально-исторических исследованиях. Основными в области изучения исторической памяти можно считать труды Л. П. Репиной, О. Н. Козловой, И. Прусс, Н. К. Серова и других российских исследователей, работающих в области изучения социальной памяти, социального прошлого в социально-психологическом (понимаемом как социальная и историческая ностальгия) аспекте.

С понятием «историческое сознание» связано и другое социально-культурное и историческое понятие – «историческая память». *Историческая память* – это функция исторического сознания. Историческая память конкретных групп населения реализуется в двух аспектах: теориях и концепциях исторической науки и обыденных дискурсивных практиках населения города и области. Проблема исторической памяти населения России стала актуальной в контексте диссертационных исследований И. А. Гончарова, Л. И. Кононовой, М. П. Кочетковой, О. И. Сгибневой. В этих научных исследованиях затрагивался широкий спектр проблем от оценки исторического состояния отдельных социальных групп до «ренессансной» специфики исторического сознания. Первичная рефлексия проблематики исторической памяти была осуществлена в рамках социальной философии. Западные философы (Г. Гендерсон, Т. Стивенсон, Л. Колдуэлл, Р. Фолк, Д. Дьюдни, М. Фергюсон, Дж. Мейси, К. Роджерс, Дж. Визнер, С. Хофман, Р. Барнет, П. Гудмен, О. Флехтгейм) посвятили свои труды изучению критических аспектов исторической памяти [8]. Представление о том, что историческая память обусловлена особенностями социокультурных процессов, раскрыто в труде П. Хаттона «История как искусство памяти» (1993) [9].

Феномен «историческая память» изучался не только в контексте методологии и дисциплинарной матрицы исторической науки, а именно «истории памяти», но и в контексте истории ментальностей, начиная с первой половины XX в. Французский психолог Ш. Блондель призывал к созданию дифференцированной истории, истории ментальности («Введение в коллективную психологию», 1929). Работы М. Блока были направлены в большей степени на выявление в истории индивидуального и неповторимого, т. е. эмоционально переживаемого людьми, излагаемого в нарративах, чем на описание универсальных исторических законов.

Помимо теоретического аспекта исследований в области изучения феноменов «историческая память» и «историческое сознание», большой интерес представляют данные эмпирических исследований. Например, в последние годы на базе РАГС и ИСГТИ РАН (под руководством историка В. И. Микрушина) были опрошены 2169 человек по теме «Историческое сознание: состояние, тенденции развития в условиях перестройки». Историческое сознание современного населения России рассматривалось в этом исследовании в контексте перестройки 1990-х гг., т. е. в годы, когда сменилась идеологическая парадигма страны. Теоретический анализ результатов исследования представлен в многочисленных работах Ж. Т. Тощенко. Он пришел к выводу о том, что:

1) историческая память аккумулирует в себе не только открытую и доступную информацию, но и латентные источники. Среди них выделяются семейные предания, легенды, рассказы, народные песни, мифы, мистические истории, различные виды топонимики, былички, включающие архаические фольклорные компоненты;

2) характер исторического сознания респондентов, принявших участие в этом исследовании, а именно учителей истории, напрямую зависел от способа их исторического мышления.

Объектом другого полевого социологического исследования под названием «Формирование исторического сознания молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества» [10], проведенного в Белгородской области в мае–сентябре 2005 г., стали школьники старших классов. В рамках исследования проводились анкетный опрос учащихся выпускных классов (N = 980 чел.), анкетирование студентов исторического факультета БелГУ (N = 100 чел.), опрос учителей истории школ Белгородской области (N = 400 чел.), экспертный опрос (N = 35 чел.), контент-анализ учебников истории, используемых учителями в процессе преподавания курса истории в средней школе. Всего в ходе исследования было опрошено 1515 респондентов. Уровень исторического сознания школьников оказался очень низким.

Еще одно эмпирическое исследование по темам «историческое сознание» и «историческая память» было осуществлено среди студентов и профессорско-преподавательского состава (N = 108 чел.) трех московских вузов – Московского гуманитарного университета, Государственного университета гуманитарных наук и Высшей школы психологии, представляющих две специальности – психология и социальная работа. Возрастной диапазон обследуемых – от 16 до 58 лет. Число лиц мужского пола составило 32 %, женского – 68 %.

Исследователи пришли к следующим выводам: 1) в сознании молодых респондентов историческое сознание ассоциировалось с понятием «историческое знание»; 2) историческое знание свойственно более молодому поколению, чем старшим возрастам; 3) «историческое чувство» способны испытывать респонденты более пожилого возраста; 4) респонденты старшего возраста, социализация которых проходила в условиях Советского Союза, понимают важное значение развития и сохранения преемственности между поколениями, что может свидетельствовать об их большей погруженности, включенности в исторический процесс, а также о наличии понимания своей ответственности перед историей; 5) молодежь ориентирована на саморазвитие и успех, так как у них «вся жизнь впереди», а общество навязывает им установки состязательного характера.

Несмотря на разнообразие теоретических и эмпирических исследований феномена «историческая память», он все еще остается недостаточно изученным, например, с точки зрения вопросов его роли в информационной социализации и институционализации современного населения Приневского края.

Мы полагаем, что историческая память – это основной компонент этнокультурной ментальности, который оказывает прямое воздействие на уровень групповой этнической толерантности. В этом нас убедил анализ содержания ностальгических по своей форме, символических смыслов, которые содержались в ответах наших респондентов на вопрос нашего исследовательского гайда: «Что вы понимаете под словосочетанием «культура вашего города/села»? Например, оказалось, что ностальгические образы прошлого оказывают влияние на многие практики сакрализации конкретных элементов исторического ландшафта Санкт-Петербурга и Ленинградской области у наших респондентов. Мы выяснили, что ностальгические образы прошлого создают позитивные «места памяти», вписываемые мифологизированным сознанием наших респондентов-горожан в исторический ландшафт города. Многие идеи, уже сформулированные как отечественными, так и зарубежными историками, психологами и социологами об историко-культурном феномене «мест памяти», нам удалось подтвердить в ходе нашего исследования.

Например, нам удалось подтвердить идею профессора Высшей школы социальных наук Ф. Артога о том, что существуют конкретные «режимы историчности», «порядки исто-

рии» [11], а также феномен «мест памяти». «Места памяти» возникают в коллективном сознании определенных групп людей, обретают символические смыслы, значение которых угасает со временем [12]. В ходе наших полевых исследований нам удалось выявить множество таких «мест памяти» в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, актуальных для наших респондентов. Мы также смогли описать их в контексте «активация vs угасание». Такими «местами памяти» для наших респондентов-горожан являются: 1) фонтан у Казанского собора, куда бросают монетки на счастье; 2) грифоны и сфинксы на пристани у Академии художеств; 3) башня у аптеки Пелля и др.

Оказалось, что многие духовные и ментальные практики, ассоциированные с ностальгическими образами прошлого, притом образами, связанными с памятниками древней культуры автохтонного населения Приневского края, «разрабатываются»: 1) школьными учителями (например, в пос. Сельцо школьные учителя создают и внедряют в сознание своих учеников мистический образ культового мегалита – «Бесова камня», расположенного в лесу в 3 км от поселка); 2) местными жителями и приезжими эзотериками (например, эзотерические ритуалы у импровизированных каменных выкладок на западном склоне горы Кирхгоф проводятся группами, исповедующими эзотерические культы); 3) туроператорами (в программы, которые предлагают агентства туристам, входят циклы экскурсий по мистическим местам юга Ленинградской области).

Как полагали Г. Зиммель и создатели теорий символического интеракционизма и феноменологической социологии, социальная и историко-культурная ностальгия возникает на основе представлений людей о прошлом. Г. Зиммель представлял духовную жизнь как жизненный поток, который охватывает творческое начало людей. В то же самое время духовная жизнь людей, ее этнокультурная составляющая – это мир представлений, знаний, ценностей и суждений в его предметной рациональности и исторической действительности. В концепции духовной жизни Г. Зиммеля наблюдается некое противоречие в понимании духовной жизни между ее трактовками как формы бытия, в которой четко существует разделение прошлого, настоящего и будущего, и как особым образом организованной длительности, где прошлое постоянно присутствует в переживаемом настоящем. Поэтому социальная ностальгия о событиях прошлого может быть определена как чувственная форма, в которой актуализируется это противоречие на индивидуальном и социальном уровнях.

В теории символического интеракционизма духовная жизнь общества понимается как символическое взаимодействие «лицом к лицу», в основе которого находятся личные представления людей. Взаимодействие местного населения Приневского края с «чужими», «другими», например, с трудовыми мигрантами, протекает в символическом пространстве и формирует систему общепринятых символических образов. Эта система символических образов выступает в качестве «обобщенного другого» и «обобщенного своего» для участников интеракции. То же самое у населения Приневского края происходит в момент соприкосновения с маркерами древнего культурного и сакрального ландшафта, оставленного автохтонными народами и воспринимаемого современными жителями как «чужое», «другое», «странное». Как показали результаты анализа полевого материала, и сообщества трудовых мигрантов, и древние памятники культуры автохтонного населения региона воспринимаются современным местным населением Приневского края – нашими респондентами – с настороженностью и отторжением, не способствуя производству этнотолерантной ментальности в их среде.

С позиций теории феноменологической социологии духовная жизнь включает в себя создание, трансляцию, изменение и воспроизводство смыслов, значений, знаний и представлений в интересующем мире, их движение между социальными мирами, а также процессы объективации и типизации значений и наполнения социальной памяти. Поэтому социальная ностальгия – это один из механизмов создания, трансляции и воспроизводства знания о прошлом, который обеспечивает движение интериоризированного, эмоционально насыщенного знания о прошлом, порождает изменение в системе коллективных представлений через реконструкцию и переосмысление этого знания. Оно представляет собой особый способ обращения к социальной памяти. Социальная и историко-культурная ностальгия являются элементами души индивида и составляющими коллективной души народа. Этот вид ностальгии, например, с точки зрения теории этнопсихологии, может проявляться как движущая сила духовной жизни, которая передается через механизмы заражения и подражания.

В контексте теорий феноменологической социологии особый интерес представляет тема духовного взаимодействия представителей общества – реципиента трудовых мигрантов – с миром исторических артефактов – маркеров сакрального ландшафта Приневского края (культовыми мегалитами, священными рощами, источниками и т. п.). Утилитарная функция маркеров архаического, т. е. созданного автохтонными народами, сакрального ландшафта Приневского края сегодня утрачена. Тем не менее символическая цель «вспоминания», исторической рефлексии, возвращения в прошлое может быть реализована в системе ностальгических переживаний разного типа. Именно этим и занимаются заинтересованные группы людей сегодня (местные школьные учителя, эзотерики, туроператоры). Исторические памятники других (архаических) этнокультурных традиций, к которым по разным причинам наши респонденты сегодня проявляют интерес, сами по себе становятся символическими стимулами, с одной стороны, социальной ностальгии, а с другой – средствами повышения информационной институционализации. Уровень информационной институционализации респондентов в области знания материального культурного наследия Ленинградской области показан на рисунке.



Поэтому мы можем сказать, опираясь на результаты анализа ответов наших респондентов, что только незначительная часть их представлений о прошлом (т. е. историческая память и связанное с ней историческое сознание) включает знания о маркерах исторического и древнего сакрального ландшафтов Приневского края в очень ограниченном виде. Ментальность наших респондентов, в основном, исполнена идеями, относящимися к социальному порядку, общественному строю, общественным отношениям, образу жизни, общественным настроениям, атмосфере и чувствам, идеалам и целям исключительно «своего времени»: для респондентов старших возрастов – это эпоха СССР, а для респондентов молодого возраста – это насущная современность и культура информационного общества. Чувства социальной и

культурной ностальгии – способ обеспечения преемственности между мирами прошлого, настоящего и будущего через движение смыслов и значений между ними – у наших респондентов всех возрастов, независимо от места их проживания (город/область), развиты слабо. Способы производства этнической толерантности, как в отношении «чужого», «другого», будь то трудовой мигрант как носитель далекой по типу культуры Средней или Центральной Азии, или будь то древний сакральный ландшафт, оставленный представителями автохтонного населения Приневского края, находятся в прямой зависимости от объема и качества их исторической памяти и особенностей менталитета, описанных нами.

Таким образом, обобщая результаты проведенного исследования, мы можем сделать следующие выводы.

Анализ транскриптов нарративных интервью, собранных в ходе исследования, подтвердил нашу гипотезу о том, что на уровне практик повседневности социальная и культурная ностальгия, основанная на фундаменте исторической памяти, поддерживает процесс информационной институционализации современного местного населения Приневского края. Историческая память как важнейший фактор информационной институционализации местного населения Приневского края реализуется как взаимодействие между людьми, существующими в реальном времени и пространстве, и виртуальными пространствами часто далекого исторического прошлого, сохраненного в архаических памятниках культуры автохтонного населения посредством обмена символами. Архаические памятники Приневского края, о которых мы беседовали с нашими респондентами (культовые мегалиты, священные рощи и деревья, священные источники), историками и археологами рассматриваются как маркеры сакрального ландшафта Приневского края допетровской эпохи, т. е. сакрального ландшафта земель, заселенных такими автохтонными народами, как воль, вепсы, ижора, чудь, а затем финны. Иными словами, историческая память, формирующая историческое сознание и организующая процессы информационной институционализации у трех различных групп наших респондентов («знатоков», «импровизаторов» и «невежд») с разной степенью глубины, мировоззренческой широты и эмоциональной яркости, очень слабо поддерживается образами и символами далекого исторического прошлого.

Анализ ответов наших респондентов на вопросы исследовательского гайда показал, что символические смыслы, высвечивающие особенности исторической памяти горожан и сельских жителей Приневского края, не только объединяют индивидов в процессе коммуникации, активируют общие для них представления и социальный опыт. Этих символических смыслов явно недостаточно даже для того, чтобы сформировать базовые аспекты их этнотолерантной ментальности. Люди нетолерантные (т. е. относящиеся к архаической культуре автохтонных народов своего родного Приневского края как к чему-то «чужому», «другому», «странному», иными словами, неуважительно, безразлично и даже пренебрежительно) вряд ли будут толерантны к любым другим видам и формам «чужого», «другого», «странного». Такими «другими» могут быть трудовые мигранты, путешественники или туристы, люди с ограниченными возможностями, здоровый образ жизни и т. п.

Наша гипотеза подтвердилась еще и тем обстоятельством, что глубина исторической памяти оказалась очень незначительной у большинства наших респондентов, которых мы условно разделили на «знатоков» (респондентов, имевших представления об архаических исторических памятниках Приневского края), «импровизаторов» (респондентов, готовых отвечать на наши вопросы, но в ответах демонстрировавших слабые знания о древней

культуре Приневского края) и «невежд» (респондентов, которые не только не могли дать внятные ответы на наши вопросы, но и позволяли себе негативные высказывания по поводу культуры автохтонных народов Приневского края). Довольно быстро нам стало понятно, что историческое сознание респондентов из группы «невежд» вообще не было затронуто чувствами социальной или культурной ностальгии.

Мы также пришли к заключению о том, что:

1) информационная институциализация наших респондентов (т. е. современного местного населения Санкт-Петербурга и юга Ленинградской области) недостаточно поддерживается глубиной и широтой этнической, этнокультурной и исторической информации, формирующей ментальность и этнокультурный кругозор наших респондентов;

2) у всех трех групп наших респондентов, включая «знатоков», относительно низкий уровень этнокультурного кругозора;

3) в ответах на вопросы нашего исследовательского гайда респонденты ориентировались на свой тезаурус в области русской культуры;

4) респонденты демонстрировали недостаток навыков информационной институциализации, т. е. в интервью они показывали плохое знание памятников истории Приневского края эпохи Новгородского княжества и, тем более, эпох, когда в этом регионе процветала культура автохтонных народов (води, ижоры, вепсов, чуди);

5) респонденты всех трех возрастных групп имеют плохое представление о процессах распространения на землях Приневского края финского и шведского влияния.

Все выявленные особенности информационной институциализации наших респондентов свидетельствуют о большой ограниченности навыков реализации практик производства этнотолерантной ментальности среди местного населения Приневского края сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тишков В. А. О толерантности // Толерантность, взаимопонимание и согласие: материалы междунар. конф. Якутск, июнь 1995 г. / отв. ред. В. А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 17–22.

2. Дробижева Л. И. Об условиях формирования толерантных установок // Межкультурный диалог: исследования и практика / под ред. Г. У. Солдатовой, Т. Ю. Прокофьевой, Т. А. Лютой. М.: Центр СМИ МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. 304 с.

3. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / пер. с англ. Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

4. Geertz C. Thick Description: Toward an Interpretative Theory of Culture // The Interpretation of Cultures. New York: BasicBooks, 1973. P. 3–30.

5. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 7. С. 8–25.

6. Окладникова Е. А. Феномен «коренные петербуржцы» в нарративах жителей Санкт-Петербурга // Вестн. ПГГУ. Сер. № 3. «Гуманитарные и общественные науки». Вып. 1. Пермь: Изд-во ПГГУ, 2015. С. 132–150.

7. Окладникова Е. А. Трудовая миграция: теории и практика. М.–Берлин: Директ-Медиа, 2014. 66 с.

8. Богданов В. В., Фоменко О. А., Байлов А. В. Социальная память. URL: filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001107/st000.shtml (дата обращения: 15.05.2016).

9. Хаттон П. Х. История как искусство памяти. М.: Владимир Даль, 1993. 424 с.

10. Путятин Т. П. Формирование исторического сознания молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества. URL: www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2007/abstract/Putiatina_TP/ (дата обращения: 15.05.2016).

11. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности. URL: magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3.html (дата обращения: 17.05.2016).

12. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. С. 202–208.

E. A. Okladnikova

The Herzen State Pedagogical University of Russia

A QUALITATIVE SOCIOLOGICAL STUDY OF ETHNO-TOLERANT MENTALITY OF THE NEVA REGION POPULATION

The article discusses the production process of ethno-tolerant mentality reflected in the narratives of contemporary aboriginal population of St. Petersburg and the Leningrad region, i.e. the territory of the Neva region. (Prinevsky region) The main provisions of the article are based on the results of the pilot sociological research of 2015, conducted using a narrative interview in the territory of the Neva region. The purpose of the article is justification of the idea of dependence on information institutionalization of urban and rural residents of the Leningrad region, on the depth of their historical memory, the degree of social and cultural nostalgia, of their level of knowledge about the archaic roots of the indigenous culture of the Prinevsky region. The analysis of respondents' answers to the questions of the research guide allowed to make conclusions that information institutionalization is the basic factor of production tolerant mentality.

Ethno-tolerance, translocal identities, information institutionalization, narrative interviews, Prinevsky region

УДК 3.32

А. М. Огороднова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ЧТО ЗНАЧИТ «БЫТЬ ПОЛИТИКОМ»: М. ВЕБЕР И П. БУРДЬЕ О ПОЛИТИКЕ КАК ПРОФЕССИИ

Рассматриваются подходы М. Вебера и П. Бурдьё к пониманию специфики политической деятельности, политики как профессиональной работы. Предлагается анализ деятельности Общероссийского народного фронта (ОНФ) как пример профессионализации общественного движения в поле политики, определения его места в политическом пространстве современной России.

Политическая деятельность, поле политики, агент политики, Общероссийский народный фронт

В справочниках и словарях понятие «профессия» определяется как вид трудовой деятельности, требующий специальных знаний, умений и навыков и являющийся обычно источником существования для тех, кто освоил конкретную профессию. Действительно, обратившись к классификатору или справочнику профессий, можно обнаружить ясное и содержательное описание сотен видов профессиональной деятельности [1]. Например, космонавт – это человек, проводящий испытания и осуществляющий эксплуатацию космической техники в космическом полете; каменщик – это рабочий, участвующий в возведении и ремонте жилых домов, мостов, промышленных и других сооружений из природных и искус-